

[Polaris]

ВЛАДИМИР
КИРИЛЛОВ

ПЕРВОМАЙСКИЙ СОН

Фантастический
рассказ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXXVIII

Salamandra P.V.V.

**Владимир
КИРИЛЛОВ**

ПЕРВОМАЙСКИЙ СОН

Фантастический рассказ

С приложением статьи
М. НИКЕ

Salamandra P.V.V.

Кириллов В. Т.

Первомайский сон: Фантастический рассказ. С приложением статьи М. Нике. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 32 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXXVIII).

В книге публикуется одна из первых советских утопий — фантастический рассказ пролетарского поэта В. Т. Кириллова (1890-1937) «Первомайский сон». В приложении — статья французского литературоведа М. Нике.

© М. Niqueux, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

ПЕРВОМАЙСКИЙ СОН

Поздним вечером из подвала соседнего дома я принес к себе, на четвертый этаж, ведро воды, на маленькой печке вскипятил чай и запил им полученные по карточке полуфунта хлеба. Не раздеваясь, лег и стал думать о наступающем первом мае. Лицо праздника омрачалось тенью наших страданий — нужды, холода и голода.

Завтра в клубе «Красная Звезда» мне предстояло выступить с речью о значении первого мая. Я обдумывал речь, вспоминая прошлые, дореволюционные праздники первого мая: лес, полянка, пикеты и дозоры, условный пароль, взволнованная речь оратора, возбужденные лица. А дальше: полиция, матерная ругань, побои, плетки, следы которых долгие месяцы не сходили со спины...

Но усталость и изнеможение брали верх над разгоряченной мыслью, глаза смыкались, а мысли тонули и путались в туманной тине дремоты...

И вот...

Белый, ослепительно белый город, забрызганный золотом весеннего солнца, в гвоздиках и розах знамен и плакатов.

Волны музыки, радостней солнца и хмельней цветущих черемух, качали, потрясали и влекли меня вперед. Движение тысяч радостных людей, биение единого сердца торжествующей массы опьяняли. Казалось: душа вот-вот вырвется из маленькой оболочки и сольется с ликующим миром, с цветами, знаменами и небом, где гудели и пели пропеллеры алюминиевых кораблей, горящих хрустальными стеклами кают.

У меня кружится голова, — где я и что со мной?

— Товарищ, товарищ, скажите, что все это значит?

Две карие звезды ласково и удивленно взглянули на меня.

— Да, да, этот праздник так красив и чудесен. Он не уступит недавнему празднику Победы Всемирной Коммунистической Революции, — воскликнула девушка.

Такой я не встречал в своей жизни — ни в снах, ни на-яву. Красота и разум соперничали в ней. Она была живым воплощением замыслов древних художников, что мечтали слить грезу о божестве и правду о человеке. Все ветви души ее струили ароматы расцветшей личности. Все в ней, до маленькой пряжки на ботинке, сделанной из удивительного голубого металла, являло образ прекрасного. В ней высшая утонченность была высшей простотой.

Я следовал за девушкой, стараясь не потерять ее в массе. Гигантские дома из белого камня и чистейшего стекла встречали и провожали наши колонны. Ровные мостовые пересекающих путь улиц, вымощенные квадратиками желто-шафранного цвета, убегали направо и налево бесконечными коридорами дворца. Не видно было ни столбов, ни рельс, ни мчащихся автомобилей и экипажей. Казалось, массы людей движутся по сказочно-мертвому городу.

Я хотел спросить девушку о дивном городе, о невиданном празднике, но раздались звуки музыки, и заколохалось пение гимна. Пела многотысячная толпа. Я жадно ловил каждый звук, каждое слово песни и вдруг почувствовал: это песня весны, радости и торжества. Восторг охватил меня, и я понял: я участвую в празднике первого мая. Я разбираю даже припев этой песни.

— Первое мая.

— Наш праздник всемирный.

— День торжества и победы труда...

Моя растерянность, мой крик: «Так это праздник первого мая», — удивляли окружающих.

Девушка взглянула на меня, как на упавшего с луны, и обратилась к идущему рядом с ней юноше:

— Послушай, Алекс, этот товарищ положительно несносен в своем чудачестве. Нам следует поговорить с ним.

И немедленно взяла меня под-руку. Тот, кого она называла Алексом, был строен (впрочем, все виденные мною люди казались необыкновенно красивыми). Одет он был в светло-коричневое трико простого изящного покроя: черную шапочку украшал синий с золотом пропеллер (позже я узнал, что это знак школы воздухоплавания).

Уставив на меня свой веселый лучисто-детский взгляд, он произнес:

— Вы, товарищ, большой оригинал. Ваш странный вид и костюм положительно меня заинтересовали. Уж не с Марса ли вы прилетели? Хотя мне хорошо известно, что с последним у нас говорит только радио, но добраться до него еще никому не удавалось.

Раздавшиеся вблизи нас звуки «Интернационала» прервали беседу. Помню, я хотел пожать ему руку, как новому знакомому, но это вызвало еще большее изумление и смех спутников. Когда музыка стихла, разговор возобновился:

— Слушай, Алекс, я думаю, этот наш странный друг — член существующего где-то общества, которое нас только увлечено эпохой Великой Революции семнадцатого года, что восстановило в своем круту нравы, обычаи и даже костюмы того времен.

— А не обыскать ли нам его, Мэри? Нет ли в карманах его пальто кусочков черного хлеба и сахара? Насколько я помню это было обычным тогда явлением даже среди знаменитых деятелей революции.

Не помню, что я отвечал, но мои ответы вызывали смех и удивление. Кажется, в конце концов, они убе-

дили меня, что я являюсь одним из воскрешенных сегодня в морге имени знаменитого ученого Лукьянова (профессор Лукьянов работал в 1925-х и 50-х годах в Москве в Медико-Экспериментальном Институте, ему принадлежат блестящие опыты по замораживанию живых организмов и оживлению их через несколько лет. В 1941 году, по предварительному соглашению, он произвел свой эксперимент над десятком людей, — очевидно, об этом говорили мои спутники).

Необычайное зрелище вновь прервало нашу веселую странную беседу. Высоко над нами, в безоблачном небе, словно на гигантском голубом плакате, появились лозунги первого мая. Казалось, сверкали звезды среди ясного дня, образуя причудливое сочетание слов и букв. Как безумный, я смотрел на панораму небесных плакатов. Легкий и мелодичный шум пропеллеров заставил меня оглянуться назад, и я увидел приближающийся к нам огромный красный корабль. Он летел низко, плавно и медленно. Я прочитал надпись на его корпусе: «Первомай». Корабль осыпал цветами шествующие колонны.

Букеты алых, золотистых и голубых цветов падали вниз и ловились на лету идущими, вызывая взрыв восторга и веселья. Букеты были перевязаны ярко-оранжевыми лентами, с тиснеными золотыми словами: «Привет от Итальянской Коммунистической Республики».

В одной из улиц наша колонна остановилась, а идущие впереди продолжали движение. В образовавшийся интервал, словно из земли, влилась новая живописная колонна в шелке художественных знамен, цеховых эмблем и плакатов.

Мэри, которая сама охотно объясняла чудеса техники, сообщила о нахождении рядом с нами станции подземной дороги, с молниеносной скоростью пере-

брасывающей поезда из Москвы на самые отдаленные окраины республики. Поезда пробегают тысячеверстные расстояния в безвоздушных каналах, напоминающих огромные трубы водопровода, без двигателей. Это последнее величайшее открытие в области сообщений основано на принципе движения предмета, предоставленного самому себе при отсутствии сопротивления воздуха. Все движение в городах, за исключением воздушного и пешеходного, также происходит под землей.

— О ваших экипажах и автомобилях, которые разъезжают по улицам, пугая людей, я знаю только из книг, — сказала Мэри, вдыхая аромат цветов.

Мне было приятно узнать, что теперь я могу спокойно разгуливать по улице, отдаваясь мечтам и не рискуя быть раздавленным.

Приношу извинение перед слушателями за то, что не сообщил своевременно: этот чудесный город был не что иное, как наша Москва 1999 года.

Узнал я это так. Когда наша колонна свернула на одну из площадей, я увидел, а вернее — задрожал мучительно-сладостной дрожью: из-за угла нетленным кораблем выплывал златоглавый Кремль. Вот они, зубчатые стены с высокими стрельчатыми башнями, вот они, дивные храмы средневековья. Сколько раз падала, сгорала и разрушалась до основания Москва, и только он, этот Кремль, поет нам о величавой и суровой истории. Где ты, Москва, окрашенная кровью Октябрьских дней? Где вы, дома, пронзенные пулями? Ряд церквей и несколько художественно-исторических зданий, потонувших среди небоскребов, — и только Кремль нерушимо хранит древние черты. Я бессилен передать переживания, которые потрясли меня. Многое вы сами почувствуете, поставив себя на мое место.

От Мэри я узнал, что в Москве в 1999 году почти нет постоянных жителей: — роскошные стекло-каменные небоскребы — есть фабрики, лаборатории, техникумы. На мой вопрос о задымленных фабричных трубах Мэри с улыбкой ответила, что о дыме, как и о мчащихся по улицам автомобилях, ей известно лишь по книгам. Вот уже несколько десятков лет найден способ бездымного сгорания веществ, и на большинстве фабрик можно работать в белоснежном платье. И, словно предупреждая мой следующий вопрос, она сказала:

— В Москве мы только работаем установленные 4-5 часов в сутки, наши дома и жилища, где происходит остальная жизнь, расположены за городом. Наше сообщение позволяет нам в 5-10 минут приезжать на работу из самых отдаленных пунктов наших селений.

— А теперь, дорогой друг, побольше внимания. Сейчас вы увидите нашу величайшую гордость — Пантеон Революции.

Шествие замедлилось, и, пользуясь этим, Мэри спросила, не хочу ли я есть. Я ответил утвердительно, и мы, свернув в сторону, вошли в дверь, над которой висел плакат с крупной надписью «Коммунальное Питание».

Внутри все сияло чистотой, по длинным белым столам автоматически двигались стаканы горячего кофе, вставленные в алюминиевые гнезда. Мы взяли по стакану. Мэри нажала одну из многочисленных кнопок, и автоматически выдвинувшийся лоток подал нам несколько бутербродов.

Закусив, мы вновь поспешили в ряды колонн. Миновали роскошную арку в честь Первомая, из живых цветов, напоминающую взлет гигантской волны, увенчанной диском солнца из золотисто-оранжевых цветов с вензелями Всемирного Совета Коммунистичес-

ких Республик. Искусное сочетание цветов создавало местами слова и лозунги праздника и очертания великих деятелей революции. Мы поднимались в гору. Мэри сказала, что мы вступаем на Красную площадь (название сохранилось).

Бедный язык мой, убогая мечта, вашими ли средствами передам я всю величавость и красоту увиденного мною. Два мира, расторгнув грани веков, сошлись здесь вплотную. Направо был Кремль во всем очаровании средневекового зодчества, налево — новый мир, воплотивший всю мощь, всю величавость человеческого гения.

Многотысячный людской поток заливал площадь. Дрожала и переливалась солнечная зыбь цветочного моря, на нем как бы качался причудливый собор Василия Блаженного. А там, где когда-то сотнями торговых фирм выползал на площадь Китай-город — пел и кричал о победе пролетариата величественный Пантеон Революции. Ни колонн, ни статуй, ни мраморной облицовки. Стекло, гранит и сталь. То, о чем мечтали немногие в наши дни, здесь было воплощено в совершенстве. Инженер и художник сливались воедино. Что скажу я о дивных формах? Они непохожи ни на одну из знакомых вам. Кто чувствовал красоту колоссальных кранов и висящих американских мостов, тот, может быть, хоть в намеках ощутит эту величавую архитектуру. Белоснежный цемент, стекло и сталь, причудливо переплетались между собою, уходили ввысь, образуя ярусы и площадки, переполненные торжествующим народом. В динамическом устремлении вверх тяжелых, массивных форм постройки была легкость и грациозность, примиряющая стремление к космосу с любовью к земле. Здание венчала башня, сплетением стали и железа напоминавшая тысячи мускулис-

тых рук, державших голубой, вращающийся глобус — символ всемирного торжества труда...

Огромные ворота Пантеона в одну минуту поглотили нас с сотней товарищей. Мы шествовали в роскошных празднично разукрашенных залах первого этажа. Люди группами стройно двигались в различных направлениях, но каждый чувствовал себя свободно. Не было ни давки, ни суеты. Иногда внутри зала открывались автоматические двери, и десятки людей, подхватываемые лифтами, уплывали в верхние этажи.

— Через час начнется торжественное заседание в Белом Зале в присутствии представителей всех республик мира, — сказала Мэри, — а пока я познакомлю вас с маленькой частицей тех сокровищ, которые хранятся здесь в первом этаже.

Только теперь я заметил отсутствие Алекса. Мэри сообщила мне, что он уехал принять управление аэроноутом «Либкнехт», на котором он должен совершить сегодня несколько рейсов для доставки различных делегаций на торжество.

Мы вошли в светлый Голубой Зал, где были собраны флаги, плакаты и знамена периода с 1917 по 1925 год. Большие стеклянные колпаки на бронзовых установках с барельефами, изображающими различные эпизоды великой эпохи, были расставлены в хронологическом порядке. Близким и родным веяло на меня от потускневших и обветшалых реликвий пережитых мною бурных дней. Вот большое шелковое знамя, — краски выцвели и почти стерлись буквы огненных слов: «Вся власть Советам». Много других знакомых и дорогих знамен, что гордо развевались по ветру на праздниках, в битвах и восстаниях, смиренно покоились под стеклянными колпаками, напоминая новым поколениям о великих подвигах, бессмертных

доблестях и страданиях их дедов и отцов. К глазам подступили слезы. Мне хотелось прикоснуться устами к этим кусочкам полуистлевшей материи, я не в силах был оторваться от них, но Мэри, которой многое было непонятно в моих чувствах, торопила меня:

— Это вы успеете посмотреть и в другие дни, а теперь я хочу, чтобы вы видели сегодня нечто необычайное и для нас.

Мы прошли еще один зал, увешанный и уставленный портретами, бюстами и гравюрами известных деятелей великой эпохи. Десятки знакомых лиц смотрели на меня со всех сторон, — то были герои, павшие на революционных постах, великие вожди революции, поэты, художники. Многих я видел в лицо, со многими был знаком, были и близкие друзья, товарищи по борьбе и творчеству. Только теперь, на историческом фоне, выявилась их мощь и красота, которых часто не замечали современники. Их дела жили, сияли их бессмертные подвиги и звучали их песни во славу человечества...

Мэри опять пришлось взять меня под-руку и почти насильно втолкнуть на широкую площадку лифта. Через несколько секунд мы были уже на верхней площадке Пантеона. Здесь было много народу, струились непринужденное веселье и смех. Когда успела вырасти и всколоситься эта могучая ярая человеческая новь? Как непохожа она на наше поколение! Оригинальные и разнообразные костюмы, напоминающие спортсменский покррой, давали возможность видеть крепкие, загорелые груди и упругие, точно налитые, мускулы рук. О, как хороши и прекрасны эти люди. Я заметил несколько недоуме<ва>ющих взглядов, брошенных на меня. Кто-то улыбнулся, кто-то о чем-то спросил. Но я был взволнован и растерян и молчаливо следовал за спутницей.

Мы подошли к массивной ограде, облегающей площадку, и моему взору открылась необъятность и красота панорамы. Глубоко внизу попрежнему колыхалась разноцветная человеческая зыбь, в воздухе реяли звуки волнующей солнечной музыки, а дальше во всех направлениях, куда только достигал взор, цвела и сияла радужным светом белокаменная неузнаваемая Москва.

Ослепительно сверкали стеклянные крыши и окна небоскребов, бесконечно пересекались линии нарядных улиц, виднелись площади, украшенные новыми памятниками, арками и башнями. О, как все изменилось! И только по некоторым церквям, кресты которых едва достигали крыш небоскребов, я мог распознавать знакомые мне места и улицы. Я не заметил, как ушла Мэри. Она принесла мне чудесный бинокль, давший мне возможность с необыкновенной отчетливостью видеть самые отдаленные части Москвы.

Возделанные поля казались зелеными квадратами среди пересекающихся золотистых шоссе. Парки, искусственные пруды, белоснежные кубики маленьких домов, утопающих в изумрудной весенней зелени, восхищали и ласкали взор.

А голос Мэри, словно весенняя песнь, звучал и пел о красивой и полновзвучной жизни здесь, — на чудесных фабриках, в труде и науке, и там, в роскошных садах и селениях, где легко дышать, где светлы дали и ароматны цветы.

В небе попрежнему гудели стальные птицы, ястребами взвиваясь и падая вниз, описывая петли. Плавно и торжественно проплывали блестящие аэронауты, и пестрели яркие аллегоричные фигуры, поднятые в честь великого праздника. Сердце билось учащенней. Кружилась голова. Каждую минуту я готов был зарыдать.

— Если бы жившие в мое время, — произнес я с дрожью в голосе, — видели хотя бы частицу этой прекрасной и счастливой жизни, они удесятирили бы свою энергию в борьбе за будущее. Мы слишком мало работали.

Две карих звезды вспыхнули восторженно и гордо.

— Неправда, вы титаны, вы сказочные герои. Любуйтесь, это возшли ваши семена.

И, взяв меня под-руку, Мэри тихо и ласково сказала:

— А теперь пойдемте, торжественное заседание началось.

Приложение

ОБ ОДНОЙ РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ УТОПИИ: ПЕРВОМАЙСКИЙ СОН В. КИРИЛЛОВА

В понимании главных теоретиков революции (Ленин в *Государстве и Революции*, Бухарин в *Экономике переходного периода*, Троцкий в *Терроризме и коммунизме*, Ю. Ларин, Е. Преображенский и др.) политика пореволюционного периода, который получит в 1921 г. название «военного коммунизма», не рассматривалась как система «временных, чрезвычайных, вынужденных Гражданской войной и военной интервенцией мер»¹, а как прямой путь к коммунизму: «Штурмовой метод борьбы с капиталистическими элементами и почти полное их вытеснение из экономики; ускоренное непосредственное социалистическое строительство; продразверстка и прямой неэквивалентный продуктообмен как основная форма экономических взаимоотношений между городом и деревней; замена торговли государственным распределением по классовому признаку; принудительное объединение населения в кооперативы и превращение кооперации в распределительный аппарат государственных продовольственных органов; свертывание товарно-денежных отношений; натурализация хозяйственных отношений и заработной платы; всеобщая трудовая повинность и трудовые мобилизации как форма привлечения к труду»² — все это, уже присущее рациональным утопиям (Т. Мор, Т. Кампанелла, Э. Кабэ) и «казарменному коммунизму»³, считалось более или менее составной частью не только «переходного периода», но и самого коммунизма. Сам Ленин неоднократно признавал, что это было политикой, хотя и преждевременной, непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению⁴. Если Замятин опасался полного огосударствления

и обезличения общества (*Мы*), то Я. Окунев дал еще в 1923 г. картину законченного мирового военного коммунизма (*Грядущий мир*). Конец НЭПа означает возврат к «чрезвычайным мерам», к волюнтаристскому насильственному строительству коммунизма.

Литература эпохи «военного коммунизма» находится тоже под знаком утопии, будь это футуристические утопии (Хлебников, Маяковский), пролетарские (Гастев) или крестьянские (Клюев, «Инония» С. Есенина⁵). Но речь идет скорее об «утопизме», о стремлении к иному общественному и духовному строю, выраженном в форме метафор и утопических мотивов. Утопий, — как жанр, утвердившийся в эпоху Ренессанса (описание путешественником нравов и институтов образцовой мифической земли, — или острова) — почти нет: утопия у власти вскоре вытесняет любые конкурентные утопии. Единственным текстом, отвечающим жанру утопии, является *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии* (1920) И. Кремнева (псевдоним крупного ученого-аграрника, теоретика кооперации А. В. Чайнова⁶). Но это неонародническая контр-утопия, противопоставившая системе военного коммунизма и диктатуре пролетариата многоукладный плюралистический строй с верховенством крестьянской власти. Роман *Мы*, написанный в 1920 г., является анти-утопией, предостережением. Лишь книгу В. Итина (родившегося в Сибири в 1894 г. и репрессированного в 1945 г. *) *Страна Гонгури*, написанную в 1918 г., можно было бы считать первым советским утопическим романом, но она вышла в свет только в 1922 г.

Поэтому небольшая утопия В. Кириллова *Первомайский сон*, опубликованная в 1921 в журнале студий Московского Пролеткульта *Твори!* (№3-4), интересна с разных точек зрения: по всей видимости, это самая ранняя советская утопия (и она не упоминается ни в одной книге о советской утопии или научной фантастике⁷); она дополняет

* Так в тексте. В. Итин родился в Уфе, был арестован и расстрелян в 1938 г. (*Прим. изд.*).

наше представление о творчестве пролетарского поэта В. Кириллова, которое часто сводится к пресловутому стихотворению *Мы*⁸; наконец можно рассмотреть ее как «пролетарский ответ» крестьянской утопии А. Чаянова.

Поэзия Пролеткульта мало привлекает внимание исследователей⁹. Ее «космизм», ее декларативность и отвлеченность, ее культ машины отталкивают читателя. На самом деле лучшие представители Пролеткульта, — М. Герасимов и В. Кириллов, — романтики, которые после периода истинно революционной, но поэтически неумелой экзальтации вернутся к интимному лиризму. Их революционная поэтика однородна с поэтикой крестьянских поэтов того времени (Н. Клюев, С. Есенин, П. Орешин): революция воспринимается как стихийная сила (пожар, огонь, гроза, буря), как движение (поезд, красный конь), созидание (пахота, засев, коллективное строительство), светлое будущее (сад, весна, заря, солнце, жар-птица), с христианской символикой у тех и других: Рождество, крестный путь, воскресение, пришествие. Космизму пролетарских поэтов предшествует, по всей видимости, космизм Есенина¹⁰. Вместе с М. Герасимовым С. Есенин и С. Клычков пишут *Кантату*, посвященную памяти жертв Октябрьской революции и киносценарий *Зовущие зори* о революционном «преображении» (вместе с Н. Павлович). Клюев пророчествует примирение «земли» и «железа»: «С избяным киноварным раем/Покумится молот мозольный»¹¹. Он полемизирует с В. Кирилловым, певцом Города и Машины, но оба поэта ценят друг друга¹². Только критики-догматики из Пролеткульта (они окажутся потом и в «На Посту»), озабоченные «классовой чистотой» пролетарской литературы (П. Бессалько, П. Лебедев-Полянский, В. Плетнев и др.) противопоставляли пролетарских и крестьянских поэтов. На самом деле те и другие выражали одну мечту о братстве и всемирной гармонии, и в 1937 г. они все окажутся жертвами своего утопизма.

Сама биография Герасимова или Кириллова показательна. Укажем здесь лишь на некоторые вехи жизни В. Кириллова. Он родился в 1890 г. в деревне Смоленской об-

ласти, которая в автобиографической поэме 1922-1923 гг. (*О детстве, море и красном знамени*) превратится в «золотую Аркадию», озаренную православными литургиями и деревенскими зорями. Девяти лет он работает в сапожной мастерской, затем матросским учеником на судне, плававшем по Черному и Средиземному морю до Египта. За участие в забастовках 1905-1906 гг. он выслан на три года в Вологодский уезд. Там он усваивает и марксизм и поэзию Фета, Тютчева и Бальмонта (влияние которого на Кириллова сильно ощутимо). Затем он уезжает на год в США в составе оркестра народных инструментов. Его первое стихотворение *На родине* было опубликовано в 1913 г. В. Кириллов мобилизован в 1914 г., в феврале 1917 г. он дезертирует с своим полком и возвращается в Петроград. Там он становится секретарем райкома и одним из руководителей Петроградского Пролеткульта и его журнала *Грядущее* (1917-1918). В 1919 он работает в Тамбовском Пролеткульте. Уже в это время В. Львов-Рогачевский отмечал по поводу сборника Кириллова *Стихотворения* (Петроград, 1919) две поэтические струи: «восторженно-пролетарскую и пессимистически-индивидуалистическую»¹³. В 1920 г. Кириллов присоединяется к «диссидентам» Московского Пролеткульта (Герасимов, Александровский, Обрадович, Санников, Казин), которые создают «Кузницу». В 1921 его избирают председателем ВАПП (Всероссийская Ассоциация Пролетарских Писателей). Но, разочарованный НЭПом, он выходит, как и М. Герасимов, из партии и из ВАПП. Кириллов возвращается к лиризму, «реабilitирует» розы (*Разговор с розами, 1922-1923*), и воспекает «голубую Русь». Он стал секретарем Всероссийского профессионального Союза писателей (ВСП) до его ликвидации в апреле 1932 г. Как Герасимов, он арестован в 1937. Официальная дата его смерти (18 декабря 1943) может оказаться недостоверной. Кириллов, которого Горький защищал от нападков А. Серафимовича¹⁴, был реабилитирован в 1957, и два маленьких стихотворных сборника вышли в 1958 и 1970 гг. Но у него, как и у Герасимова, вопреки оценке Маяковского (*Юбилейное*), достаточно поэтически ценных или исторически

интересных стихотворений для того, чтобы составить том в большой серии «Библиотеки поэта».

Как и крестьянские поэты, Кириллов не узнал в осуществленной партией утопии свой романтический утопизм. В августе 1920 г. С. Есенин писал Е. Лившиц, что «идет совершенно не тот социализм, о котором я думал». *Первомайский сон* В. Кириллова дает нам картину того будущего, о котором мечтал поэт. Утопия Кириллова тем не менее осталась незавершенной¹⁵, как и утопия Чаянова 1920 г., с которой она имеет общие черты.

Исходная точка обеих утопий одинакова: это «военный коммунизм». Чаянов полагает, что он достиг своих целей уже в 1921 г. (разрушение «семейного очага», запрещение домашнего питания, монополизация культуры и т.д.) и его утопия предлагает противоположную модель устройства. У Кириллова военный коммунизм тоже изображен как время «нужды, холода и голода»¹⁶, но поэт считает, что это лишь «временные трудности», и изображает будущий расцвет этого же строя. При этой принципиальной разнице структура и ряд мотивов обеих утопий близки друг к другу. Город, в котором оказываются герои посредством сна (этот прием восходит к роману Л. Мерсье *Год 2440, 1770*) — Москва в 1984 г. у Чаянова¹⁷, в 1999 г. у Кириллова. Москва превратилась в город-сад, в котором сохранены Кремль и ряд церквей. У Кириллова улицы пересекаются перпендикулярно и предназначены для пешеходов: все движение — подземное. Люди живут в «селениях», которые соединены с городами поездами без двигателей в вакуумных подземных туннелях (этот вид транспорта был уже описан Одоевским и Гастевым): «Наше сообщение позволяет нам в 5-10 минут приезжать на работу из самых отдаленных пунктов наших селений». В 1922 г. Е. Преображенский выпустил футурологический трактат в виде лекций, «прочитанных в 1970 г. в Политехническом музее профессором русской истории Минаевым, по совместительству слесарем железнодорожных мастерских». Говоря об «урбанизации деревни», он пишет: «Теперь рабочий может жить за сто верст от Москвы и летать туда утром и вечером на пассажирском

аэроплане»¹⁸. В утопии Кириллова люди работают 4-5 часов в день в фабриках-«небоскребах» (не выше церковных крестов), в лабораториях или техникумах из белого камня и стекла, из которых не валится дым (найден способ «бездымного сгорания веществ»¹⁹). Город будущего имеет черты городов США (в которых Кириллов провел год), но уже с экологическим уклоном, и является прямой противоположностью городу трущоб и проституток, который описывал поэт в своей дореволюционной поэзии.

В утопии Чаянова после «крестьянской революции», случившейся в 30-е гг., главной деятельностью стало сельское хозяйство и ремесленничество. Города выполняют лишь функции культурных и социальных центров («узлов»). Население Москвы снизилось до 100 000 жителей, и по стране существует только «более сгущенный или более разреженный тип поселения того же самого земледельческого населения» (гл. 6): Чаянов предвосхищает в некоторой мере взгляды «дезурбанистов» конца 20-х годов.

Москва Чаянова — лишь «главный» узел страны крестьянских советов с плюрализмом местного управления (гл. 11). У Кириллова Москва стала местонахождением «Всемирного Совета Коммунистических Республик»²⁰. В ее центре возвышается «Пантеон Революции» — здание из стекла, гранита и стали (без колонн, мрамора и статуй), которое венчает вращающийся глобус, поддерживаемый стальными руками²¹. «Пантеон» Кириллова включается в целый ряд монументальных проектов 20-х годов: Дворец Труда (1919-1923)²², памятник Татлина Третьему Интернационалу (1920), многоярусный Дворец Советов (1931-1933) на месте храма Христа Спасителя.

Вера в всемогущество человеческого разума и науки выражается у Кириллова в осуществлении воскрешения людей²³ и у Чаянова в воздействии на погоду (не без влияния, наверное, *Философии общего дела* Н. Федорова).

В обеих утопиях герой, сохранивший одежду и привычки своего времени, вызывает любопытство и подозрение. В обоих текстах посещение «Музея Революции» (1917 г.) позволяет отдать себе отчет в пройденном пути. Героя со-

проводит красивая утопическая девушка с американским именем (Мэри) у Кириллова, с русским (Параскева) у Чаянова, в которую он влюбился: таким образом у Чаянова политические и экономические главы чередуются с любовной интригой. У Кириллова любовная интрига лишь намечается, и вообще в его утопии много недосказанного. Например, экономическая система, подробно изложенная у Чаянова, отсутствует в (незаконченной) утопии Кириллова. Можно подумать, что она опирается на принципы уравнилельного, но зажиточного коммунизма, с примесью американизма (культ красивого и здорового тела, архитектурный «модерн», «чистая» техника...). Крестьянства не видно: производится ли синтетический хлеб, как надеялся Горький, да и сам Чаянов в конце 20-х годов?²⁴

Язык *Первомайского сна* изобилует эмоционально окрашенными прилагательными и существительными, которые выражают красоту, радость, торжественность, величественность, необычайность описываемого: *белый, золотой, голубой, ослепительный; торжествующий, хмель, опьянеть, ликующий; великий, величественный, величавый, огромный, гигантский; дивный, невиданный, чудесный, необыкновенный*. К этому слою оценочной лексики примешивается высокая архаическая лексика: «Нетленным кораблем выплывал златоглавый Кремль», «колыхалась разноцветная человеческая зыбь, в воздухе реяли звуки волнующей солнечной музыки...» Этот стиль был подвергнут резкой критике одного из теоретиков Лефа, Б. Арватова, в статье *Эстетический фетишизм*²⁵. Отмечая однообразие эпитетов и их отвлеченность, Б. Арватов считал, что Кириллов «весь находится в цепях буржуазного традиционного формализма»: «Шаблонная форма убила агитационную идею, стала средством созерцательной эстетической иллюзии, т.е. оказалась самоцелью [...] Без разрыва с канонизированными приемами искусства, невозможно никакого использования художественного творчества в плане современного психологического воздействия»²⁶. В самом деле, эклектически эстетический стиль Кириллова далек от футуристического (лефовского) и ближе к будущей возвы-

шенной «причудливой» сталинской архитектуре. Он восходит к бальмонттовскому символизму с его напевными ритмами и расплывчатыми эпитетами, и к стилю Чернышевского в четвертом сне Веры Павловны с его эмоциональными эпитетами и восклицательными предложениями (у Кириллова: «О, как хороши и прекрасны эти люди», «О, как все изменилось!»). Но «отвлеченный романтизм»²⁷ В. Кириллова не самоцель, а антитеза к «нужде, холоду и голоду» военного коммунизма: мраку лишений противопоставит светлое будущее: «Я верю, когда-нибудь сбудется сон мой, / Осмеянный сон мой о счастье людей»²⁸. Утопия Кириллова имеет целью ободрить его современников гимном будущему, дать им стимул «удесятерить» их энергию в борьбе за гедонистическое будущее. Такую же роль играет «фосфорическая женщина», призывавшая в *Бане* Маяковского «удесятерить пятилетние шаги»²⁹. Для Богданова и других теоретиков Пролеткульта главной функцией искусства считалось воздействие на сознание, ее организация, а не отражение действительности. Отсюда пафос поэзии Пролеткульта, ее гиперболизм, призывность, эмоциональная отвлеченность.

Кириллов представляет военный коммунизм как тяжелую, но необходимую ступень на пути ко всеобщему счастью. Такова и установка книги Преображенского *От нэпа к социализму* (1922), в которой картина социализма в 1970 г. является лишь проекцией и усовершенствованием военного коммунизма. Утопия Чаянова, художественно более зрелая, имеет совсем другие предпосылки. Считая «государственный коллективизм» заблуждением с экономической, социальной и культурной точки зрения³⁰, Чаянов предлагает еще до введения НЭПа другой путь развития России (и только России), основанный на индивидуальном крестьянском хозяйстве, на кооперации, на инициативе и высокой культуре. Отказавшись от «командно-административной системы», как теперь стали именовать систему, заложенную военным коммунизмом, децентрализованное государство выполняет главным образом регулирующие функции (гл. 4, 11). В этом — главная разница между контр-

утопией Чаянова и утопией Кириллова, которая не ставит под сомнение путь, выбранный в 1918 г., а показывает его предполагаемую конечную цель. При такой идейной разнице обилие общих мотивов у обоих авторов дает некоторое основание считать утопию Кириллова «пролетарским ответом» «крестьянской» утопии Чаянова (вышедшей тиражом 20 000 экземпляров в Госиздате).

Теперь история рассудила обоих утопистов, и Чаянов оказался в числе первой партии реабилитаций эпохи перестройки³¹. Утопия Кириллова, как и утопия военного коммунизма, признана теперь утопией и заблуждением; видится выход из тупика полу-осуществленной утопии в утопии Чаянова и в его научных трудах о кооперации и фермерстве, иллюстрацией которых является его *Путешествие...* Но не суждено ли и утопии Чаянова, так поздно реабилитированной, остаться утопией?

(Universite de Caen)

Примечания

1. *Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия*, изд. 2-е, М., 1987, стр. 108.

2. И. Б. Берхин, *Экономическая политика советского государства в первые годы советской власти*, М., 1970, стр. 177.

3. Этим выражением Маркс и Энгельс определили якобинскую программу Нечаева (опубликованную в 1870 г. в Женеве) в брошюре *Международное товарищество рабочих и Альянс социалистической демократии*. См.: А. М. Арзамасцев, *Казарменный «коммунизм»*, М, 1974.

4. Ленин, *ПСС*, т. 44, стр. 151, 157, 159 ; т. 45, стр. 74, 75.

5. См. М. Niqueux, «Utopie paysanne ou quete spirituelle? Une interpretation de l'Inonija de S. Esenin», *Revue des etudes slaves*, LVI, 1984, 1, p. 87-96.

6. О А. В. Чаянове (1888-1937) см.: В. Балязин, «Возвращение: к 100-летию со дня рождения А. В. Чаянова», *Октябрь*, 1988, № 1, стр. 146-171; В. Kerblay, «A. V. Cajanov: un carrefour dans l'evolution de la pensée agraire en Russie de 1908 à 1930», *Cahiers du monde russe et sovietique*, vol. V, 1964, n° 4, p. 411-460. *Путешествие моего брата Алексея...* было переиздано в Москве лишь в 1989 в кн.: А. В. Чаянов, *Венецианское зеркало: повести*. Оно переведено на французский язык (trad., notes et postf. М. Niqueux, Lausanne, L'Age d'homme, 1976), на английский, немецкий и итальянский языки.

7. Единственное известное нам упоминание об утопии В. Кириллова встречается в статье И. А. Доронченкова, «Об источниках романа Е. Замятина *Мы*» (*Русская литература*, 1989, №4, стр. 193-194). Но она цитируется по публикации 1923 г. и ее создание ошибочно отнесено к этому же году.

8. *Мы несметные, грозные легионы Труда,
Мы победители пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.
[...]
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.*
[дек. 1917]

Стихотворение Кириллова (первая строфа которого перекликается с *Скифами* А. Блока, написанными в конце января 1918 г.) является ответом на протест Луначарского против повреждений, нанесенных Кремлю и собору Василия Блаженного в октябре 1917 г. Антиэстетизм Кириллова восходит к Писареву. Он присутствует в *Гуннах* Брюсова (1905), в футуристическом манифесте *Пощечина общественному вкусу* (1912), в стихотворении Маяковского *Радоваться рано* (1918) и др. А. Богданов подверг критике стихотворение *Мы* во второй своей статье об искусстве и рабочем классе (*Пролетарская культура*, 1918, №3, стр. 21), также как и пролетарский поэт М. Герасимов в стихотворении под тем же названием *Мы* (1918). В 1919 в стихотворении *Жрецам искусств-*

ва В. Кириллов выступит против искусства ради искусства, но за традицию Пушкина, Лермонтова, Кольцова.

9. Самая ценная работа о поэтике Пролеткульта вышла в 1933 в Вятке: К. В. Дрягин, *Патетическая лирика пролетарских поэтов эпохи военного коммунизма*. См. еще: А. К. Воронский, «Прозаики и поэты "Кузницы": общая характеристика», *Красная новь*, 1923, №3, стр. 297-312; Г. Лелевич, «Литературный путь "военного коммунизма"», *Литература и марксизм*, 1928, №2, стр. 108-129; З. Паперный, вступление к кн.: *Пролетарские поэты первых лет советской эпохи*, Л., 1959, стр. 5-74 (Библиотека поэта. Большая серия); А. Меньшутин, А. Синявский, *Поэзия первых лет революции, 1917-1920 гг.*, М., 1964, стр. 144-174.

10. Ср. стихотворение Кириллова «К нам, кто сердцем молод...» (*Грядущее*, 1920, №7-8): «Звезды в ряды построим/Вожжи впряжем луну...» и гл. IV *Пантократора* Есенина (февр. 1919). В *Заре заводов* М. Герасимова (1919) как и в *Инонии* С. Есенина (май 1918), «огненные плуги» пахут небеса, и поэт-Прометей разбивает лед облаков на луне-наковальне. Этот космизм напоминает борьбу света и тьмы у В. Гюго.

11. Н. Клюев, *Песнослов*, кн. 2-ая, Пг., 1919, стр. 219 («Се знамение: багряная корова...»).

12. См. стихотворения Н. Клюева *Мы — ржаные, толокенные... и Твое прозвище — русский город* (1918). В статье 1919 г., атрибуцию которой Н. Клюеву установил С. Субботин, Клюев ставит Кириллова среди «Поэтов Великой Русской Революции» рядом с Есениным, Ширяевцем и самим собой, характеризуя его следующим образом: «Истинный и единственный в настоящее время выразитель городской рабочей жизни. Поэт бедных людей, их крестного пути в светлую страну социализма» (*Русская литература*, 1984, №4, стр. 145). Кириллов много общался с Клюевым в 1918 (см. его стихотворение *Из дневника 1918 года*), и в 1927 г. он посвятил Клюеву, уже опальному, сочувственное стихотворение *Николай Клюев*.

13. В. Львов-Рогачевский, *Поэзия новой России: поэты полей и городских окраин*, М, 1919, стр. 119. О Герасимове и Кириллове см. воспоминания К. Зелинского, *На рубеже двух эпох*, М., 1960, стр. 71-83.

14. А. М. Горький, «О пользе грамотности» (1928), в кн.: *Собрание сочинений в 30 тт.*, т. 24, М., 1953, стр. 324.

15. Возможно, Кириллов не дал продолжения своей утопии в связи с переходом на НЭП, который означал временный отказ от утопии ради «реалий»: «Должен заметить, что в течение многих лет, приблизительно лет восемь у меня пропал абсолютно интерес к общественным вопросам» (из выступления В. Т. Кириллова на втором поэтическом совещании РАПП в апреле 1932 г., ИМЛИ, ф. 40, оп. I, № 195, л. 71).

16. Текст *Первомайского сна* приводится как приложение к этой статье. В статье 1919 г. *Порванный невод* Н. Клюев свидетельствует о бедственном положении Кириллова: «По какой-то свинячьей несправедливости Есенины и Кирилловы пухнут от голода, вшивеют, не имея и смены рубахи» (Москва, 1987, № 11, стр. 30, публ. С. Субботина).

17. Дата 1984, выбранная также Орвеллом, восходит, возможно, к повести Дж. Лондона *The iron heel* (1907): cf. R. E. F. Smith, «Note on the sources of George Orwell's 1984», *The journal of peasant studies*, 1976, vol. 4 (1), p. 9-10.

18. Е. Преображенский, *От нэпа к социализму: взгляд в будущее России и Европы*, М., 1922, стр. 53.

19. В коллективном киносценарии *Зовущие зори* (М. Герасимов, С. Есенин, С. Клычков, Н. Павлович, 1918) показаны «завод-дворец» и «фабричные недымящиеся трубы» (часть III, картины 14 и 20). В стихотворении в прозе «Городу» (*Грядущее*, 1918, № 1, стр. 6) В. Кириллов еще поэтизировал дым: «Я люблю тебя, огромный город, великий железнокаменный исполин [...]. Опрокинутые в небо огромные трубы источают фимиам новому богу-человеку.»

20. См. «Совнарком мировой» в стихотворении В. Кириллова *К нам, кто сердцем молод...* (1920).

21. Этот глобус напоминает тот, который возвышается над бывшим зданием компании Зингера (теперь Дом книги) в Санкт-Петербурге на углу Невского проспекта и канала Грибоедова.

22. См. стихотворение Кириллова «Памятник труда» (1920), в сб.: *Пролетарские поэты первых лет советской эпохи*, ук. кн., стр. 242.

23. «Люди сами стали боги» (В. Кириллов, *Стихотворения 1914-1918*, Пг., 1918, стр. 16). Идеи эвгеники, омоложения, воскрешения были распространены в Советском Союзе в 20-е годы. См.: *Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии*, под. ред. Арк. А-на и Э. Кольмана, М. — Л., 1928. В литературе см. *Собачье сердце* М. Булгакова, *Пао-Пао* И. Сельвинского, *Клоп* В. Маяковского (мотив воскрешения замороженного трупа был уже использован американским писателем Э. Беллами в утопическом романе *Взгляд в прошлое, 2000-1887*, переложенном на русском языке в 1890 под названием *Через сто лет*). В рецензии на журнал *Твори!*, 1921, №3-4, в котором был напечатан *Первомайский сон*, Новгородский писал: «*Первомайский сон* Влад. Кириллова есть неудачное подражание Беллами *Через сто лет* или какой-нибудь другой утопии, а может-быть простое желание попасть в этот "Пантеон Революции" за свои поэтические заслуги» (*Зори грядущего*, Харьков, 1922, №5, стр. 173).

24. См. письмо Горького А. К. Воронскому от 17 апреля 1926 (*М. Горький и советская печать*, *Архив А. М. Горького*, т. X, кн. 2, М., 1965, стр. 31-32). А. Чаянов думал, что «стальная машина» будет изготавливать «из воздуха хлеб и ткани будущего» (А. Чаянов, «Возможное будущее сельского хозяйства», в ук. кн. *Жизнь и техника будущего*, стр. 261, 285).

25. Б. Арватов, «Эстетический фетишизм», *Печать и Революция*, 1923, №3, стр. 86-95, и в его кн. *Социологическая поэтика*, М., 1928, стр. 85-100.

26. Б. Арватов, ук. кн., стр. 94, 95-96. Другой Лефовец, В. Силлов (расстрелянный в 1930 г.), отмечал у Кириллова (в сборнике *Отплытие*) и у М. Герасимова (*Железное цветение*) обилие образов «церковно-бытового, мистического характера», «идеалистический уклон», «мистическое восприятие революции и труда» («Расея или РСФСР: заметка о пролетарской поэзии», *ЛЕФ*, 1923, № 2, стр. 119-129).

27. Так определял стиль В. Кириллова Вал. Полянский: «Этапы творчества В. Кириллова», *На литературном посту*, 1926, № 1, стр. 367 (статья перепечатана в кн. Полянского, *Вопросы современной критики*, М., 1927, стр. 196-208).

28. В. Кириллов, *Отплытие*, М., 1923, стр. 47.

29. О роли утопии, даже художественно слабой, А. Луначарский говорил в своем докладе на первом Всероссийском съезде крестьянских писателей в 1929 г. (*Крестьянская литература и генеральная линия Партии*):

«Если, скажем, принять последний акт пьесы *Клоп* Маяковского за изображение будущего общества, которого мы желаем, то можно сказать: не стоит для этого бороться, ибо более невежественного, неудачного общества нельзя себе представить [...]. Все, что до сих пор писалось в утопических романах, слабо. Но если, исходя из того, что до сих пор попытки не удавались, мы скажем, что об этом нельзя писать, это будет жестокая ошибка. Как сказал Н. И. Бухарин, наша молодежь не знает царя и околоточного, она выросла в нашем строе, ей не с чем их сравнивать и поэтому она не чувствует переходности, у ней нет конкретного представления о прошлом и будущем. Но о прошлом она может почерпнуть знание от писателей-реалистов прошлого и истории, а внушить живое представление о том, куда мы идем, без того, что называется утопическим романом, нельзя. Пусть он утопичен — но это есть художественное произведение.» (РО Пушкинского дома, ф. 110, № 24, л. 11-12 ; в печатных изданиях этой речи ссылка на Бухарина отсутствует, и фамилия Мейерхольда добавлена через дефис после фамилии Маяковского).

30. «В прежнее время весьма наивно полагали, что управлять народнохозяйственной жизнью можно только распоряжаясь, подчиняя, национализируя, запрещая, приказывая и давая наряды, словом, выполняя через безвольных исполнителей план народнохозяйственной жизни» (*Путешествие... гл. 9*).

31. А. Чаянов был реабилитирован 16 июля 1987 вместе с группой экономистов-меньшевиков. Он был арестован в 1930 г. по обвинению в принадлежности к мифической «Крестьянской трудовой партии» и был расстрелян в 1937 г.

Комментарии

В. Кириллов. Первомайский сон

Впервые: *Твори!* (Москва), 1921, № 3-4, с. 25-31, с подзаг. «Отрывок из фантастической повести» .

М. Нике указывает также следующие публикации: *Товарищ Терентий* (Екатеринбург), 1923, № 8, 29 апр. (без первоначального сна-мотивировки), *Литературный еженедельник*, 1923, № 17, 28 апр., и в кн. В. Кириллов, М. Герасимов, *Праздник жизни: рассказы*, М., 1925, с подзаг. «Фантастический рассказ». Публикуется по последнему изд.

М. Нике. Об одной ранней советской утопии: *Первомайский сон* В. Кириллова

Впервые: *Revue des études slaves*, 1992, tome 64, fascicule 4.

В текстах исправлены некоторые опечатки.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.